

ДОМ 21/А

(От военного корреспондента «Правды»)

Просторная улица с большими домами, с газонами, с молодыми, еще не закурчавившимися тополями, такая спокойная и мирная, если бы не разрытые снарядами мостовые и тротуары, если бы не баррикады и не два сожженных немецких танка, прижавшихся к разбитому каменному забору. Это — передовая линия.

Красивый четырехэтажный дом с лепными украшениями на фронтоне, с широким разбегом лестницы, с простором чистых и светлых квартир, такой благоустроенный, если бы не угол, свесенный авиабомбой, не зияющие просветы пустых окон, не двери, выбитые силой разрывов, — за этот дом девятый день идет борьба. Его и сейчас удерживает горсточка храбрецов под командованием младшего лейтенанта Цветкова.

А дом наконец — это позиция немцев. Оттуда время от времени строчат автоматчики. Пули их, взвизгнув у подоконника, скальвают штукатурку стен, и она сыплется на пол.

Эта комната еще совсем недавно служила, очевидно, кабинетом инженера: письменный стол, книжные полки, классики рядом с технической энциклопедией и словарем Хютте, большой снимок тракторного завода в рамке с куском выбитого стекла, клеенчатый диван.

Эту комнату с двумя массивными стенами и одним маленьким окном, выходящим во двор, и избрал младший лейтенант Цветков под свое, как он шутя говорит, «Б.П.». Он хрипловатым, сорванным голосом не без увлечения рассказывает историю обороны этого дома № 21/А на одной из окраинных улиц Сталинграда.

В середине сентября немцы, собрав на окраине города мощный кулак, после долгой бомбежки с воздуха, с помощью танков овладели этой улицей. Они сразу же начали на ней закрепляться. Лейтенант подводит меня к окну и, приказав смотреть осторожно из-за косяка, показывает жилище глубоких извилистых окон, пере-

секающих двор, уют, сооруженный посередине двора и замаскированный поленицей дров. Солидное укрепление. Но продержались тут немцы недолго. Сильным и внезапным ударом с фланга их выбила отсюда одна наша гвардейская часть, за ночь очистившая и эту, и примыкавшие к ней улицы. После боя во дворе дома 21/А, в окопах, и особенно в подвале-котельной, гвардейцы нашли много немецких трупов.

Страшное зрелище увидели гвардейцы на пороге квартиры № 3 на 2-м этаже. В открытой двери, наполовину высунувшись на лестничную площадку, лежала старая седая женщина, прикрыв собой труп полуторагодовалого ребенка. Женщина была ранена в грудь навылет тремя пулями. Перед смертью она успела назвать себя: Анна Капустина, пенсионерка, мать цехового слесаря с тракторного завода.

Она рассказала бойцам страшную повесть. Вместе с внучком Игорем и младшей дочкой, 15-летней Верой, они были одни в пустом доме, когда его захватили немцы. Прошло немного времени, наши части начали теснить немцев. Немецкий офицер ворвался в комнату Капустиной разъяренным, пьяным. Он что-то бормотал, потом выхватил револьвер, выстрелил в постельку, где спал мальчик. Бабушка бросилась на помощь к внуку и повисла на руке у палача, и тот одну за другой пустил ей в грудь три пули. Веру солдаты утащили с собой.

Рассказывая об этой истории, младший лейтенант вскочил с дивана, взволнованно прошелся по комнате. Потом порылся в кармане, достал нестрогий целлулоидный портфельчик с горошиной внутри.

— Вот нашли в ручонке у мальчика, когда хоронили. Храню, храню и никогда я этого мальчика им не забуду.

Но история борьбы за дом 21/А этим только началась. Захватив его, гвардейцы сейчас же организовали круговую оборону, взяв под контроль своих пулеметов перекресток. Утром немцы начали контратаку. На улицу обрушились залпы сна-

рядов, бомбардировщики волна за волной пикировали на нее. Гвардейцы стойко держались в окопчиках, за баррикадами в угловых окнах домов, ожидая атаки. И вот в бой ринулись немецкие танки. 12 тяжелых машин шли вдоль улицы, неся на броне автоматчиков.

В узком русле улицы закипел бой огромного напряжения. Бронейойщики, хладнокровно дождавшись, когда танки порвываются, стали стрелять им в борты. Шля танков запылало. Но остальные, осторожно обойдя эти жаркие костры, пошли вперед. У бронейойщиков кончились боеприпасы. Меняя позиции, перебегая от одного окна к другому, они уклонялись от шквального огня, который вели танки, и, выбрав момент, метали сверху гранаты. Еще три машины остановились с развороченными гусеницами, но четыре продолжали двигаться. Из окон нижних этажей гвардейцы из автоматов скашивали танковый десант. Но противотанковые средства были исчерпаны. Тогда один высокий боец, герой, о котором тут говорят с огромным уважением, но имени которого никто не знает, с криком:

— Не пройдет, гады! Не пушу! — схватил противотанковую мину, прижал ее к груди и вместе с ней бросился под гусеницы головного танка. Раздался взрыв. Покачнувшись, стальная машина остановилась с развороченным корпусом. Остались три танка. Они проломли баррикаду и подошли вплотную к дому 21/А. И тут защитники дома пустая в ход старое, испытанное средство: из подворотни полетели зажигательные бутылки.

Но немецкие автоматчики уже успели соскочить с танков и, смаяв двух бойцов, пытавшихся их задержать, ворвались в первый подъезд дома. Яростная схватка завязалась на лестнице. Немцев было вдвое больше, чем наших гвардейцев, но гвардейцы стойко отражали удары. Боец Чепурной залег с автоматом на лестничной площадке, ведущей ко второму этажу, и пока за его спиной товарищи воздвигали баррикаду из домашнего скарба, он сдерживал немцев короткими очередями. Немцам удалось захватить только 9-ю и 10-ю угловые квартиры. Чепурной дал по ним последнюю очередь и, шатаясь, — он был

ранен в плечо и бедро — стал подниматься наверх. Товарищи перетащили его через баррикаду.

В это время к немцам пришли подкрепления. Дав несколько выстрелов из мелкокалиберного миномета по окнам лестничной клетке, немцы пошли на штурм баррикады. У пятерых бойцов, защищавших ее, гранат уже не осталось, патроны кончались. Поэтому они били только наверняка, когда кто-нибудь из немцев пытался перелезть баррикаду. Они держали ее, пока не поднявшись по пожарной лестнице во второй этаж, вторая группа немцев не ударила им в спину. И все же они успели отойти и снова закрепиться на третьем этаже. Раненого Чепурного они посадили на кухне у двери на балкон отбивать попытку немцев проникнуть по пожарной лестнице. Бой возобновился неравный и еще больше ожесточенный. Немцы попытались бросать за баррикаду гранаты, но, прежде чем те успевали разорваться, бойцы хватили их налету и бросали обратно на головы фашистов.

— Вот вам за Сталинград. А эту за мать-Украину. А эту за родной колхоз «Червоный шлях», — приговаривал боец Елизюк, ловко метая немецкие гранаты.

И немцы не выдержали. Они прекратили осаду, ушли в нижние квартиры. Но с рассветом они возобновили попытку очистить дом. На этот раз их миномет минут 10 бросал мины в окно лестничной клетки. Бурый дым взрывов, известковая пыль запылили все непроницаемой целеной. Но когда немцы пытались пролезть наверх, их снова встретили редкие, но меткие выстрелы из-за баррикады.

Гвардейцы, переждавшие бомбежку в квартирах, снова были на своих местах. Они достреливали по последней обойме, горясь к рукопашной схватке. Но в это время наверху раздалось «ура». Оно грянуло неожиданно и продолжало нарастать. Это бойцы из соседнего блока, перебравшись по крыше, шли на помощь. На головы немцев одна за другой полетели гранаты. Это было так неожиданно, что немцы побежали, бросая убитых и раненых. С хода были взяты обратно квартиры 9 и 10. Дом № 21/А снова был полностью в наших руках. Неудачный штурм его обо-

шелся немцам в 52 солдатских и 2 офицерских жизни.

Каждый день по ночам бойцы укрепляют дом, заделывают кирпичом оконные амбразуры, проделывают бойницы, окружают дом траншеями.

— Наш дом — это один из домов Сталинграда, — говорит младший лейтенант и ведет меня осматривать хозяйство этого своеобразного дота, где месяц тому назад мирно жили люди. Их вещи все еще стоят на своих местах, посыпанные известковой пылью, битым стеклом. В одной из комнат, должно быть чьей-то столовой, у замурованного окна, в которое прорунут ствол противотанкового ружья, в глубоких креслах сияют два бойца — расчет противотанкового ружья — и при свете контики мастера мундштуки из обломков немецкого «Мессершмитта». В другой, угловой комнате пулеметчики Жуков и Евтифеев у станкового пулемета. В этой комнате сохранился детский уголок — крохотная смешная мебелишка и какие-то коврики со зверушками на стенах. Младший лейтенант смотрит на них, потом достает из кармана прострото попуга — память об убитом мальчике и задумчиво говорит:

— А у меня тоже вот есть дочка Света, четырех лет, и сын Георгий, Егорко — двух. Потом он вдруг резко подходит к пулемету, дает две длинных очереди по окнам дома наконец, где сидят немцы. Оттуда отвечают. Несколько мин сотрясают пол своими разрывами. Лейтенант говорит:

— Вот как вспомню о немцах — не могу. Всего затрясет, руки так и зудят стрелять, метнуть гранату, поработать штыком.

Мне опять вспоминается его фраза о том, что дом, который они обороняют, один из домов Сталинграда. И в самом деле, как в капле дождевой воды отражается солнце, так и в борьбе за этот дом отражено великое, эпическое упорство защитников города Сталина, сражающихся за каждую улицу, за каждый дом, за каждое окно в квартире, за каждую ступеньку на лестнице. И во всем этом борющемся, воюющем, героическом городе немцев ненавидят так же непримиримо и жгуче, как в доме 21/А.

Сталинград.

Б. ПОЛЕВОЙ.